

ПЕССИМИЗМЪ И МИСТИКА ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

I.

Струя пессимизма въ античномъ міросозерцаніи.

«Я истомился отъ жажды — и погибаю», — такъ восклицаетъ душа, затерявшаяся въ безотрадной пустынь жизни. Эти слова читаемъ на золотой табличкѣ IV-го вѣка до Р. Х., найденной въ одной изъ греческихъ гробницъ Нижней Италіи (близъ Петеліи). Въ этихъ краткихъ словахъ, вложенныхъ въ уста покойника — послѣдователя орфическихъ таинствъ, какъ бы вылился, какъ бы сконцентрировался весь тотъ крикъ отчаянія и скорби, который уже съ болѣе давнихъ временъ проносится съ одного конца греческаго міра до другого. Преувеличивать не слѣдуетъ, но нельзя также отрицать, что наряду съ свѣтлымъ, жизнерадостнымъ міросозерцаніемъ (напр. Гомеровскихъ героев!), часто, весьма часто открывается для нашего взора и струя глубокой меланхоліи греческой народной души. Радостное, художественное міросозерцаніе далеко не исчерпываетъ картины.

Сознательный, продуманный пессимизмъ есть результатъ уже болѣе зрѣлаго культурнаго развитія — такъ было это и въ древней Греціи; однако, данныя для болѣе мрачнаго воззрѣнія на жизнь имѣлись отчасти уже и въ самой религіи греческаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, подъ сіяющимъ покровомъ художественно-гармонической олимпійской вѣры (которая до извѣстной степени является произведеніемъ великихъ поэтовъ и художниковъ Греціи, прежде всего Гомера, и которая проникаетъ какъ въ общественную, такъ и въ частную жизнь древняго грека), таится еще иной міръ, совокупность болѣе первобытныхъ, болѣе дикихъ — странныхъ и нерѣдко мрачныхъ религіозныхъ представленій, иное, отличное отъ классическаго эллинскаго воспріятія дѣйствительности — то, что можно назвать «нижнимъ слоемъ»

греческой религіозности. Это темное, ирраціональное, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-живучее наслѣдіе далекой старины, не отмиравшее и въ эпоху расцвѣта греческой культуры, но цѣпко уgnѣздившееся во всѣхъ глубинахъ и закоулкахъ народной души, врывавшееся на каждомъ шагу въ повседневную жизнь, проникавшее подчасъ чуждымъ и назойливымъ элементомъ даже въ художественныя формы государственнаго культа, — къ чему собственно оно сводилось? — Въ значительной степени это было представленіе о безчисленныхъ духовныхъ силахъ, населяющихъ весь міръ, носящихся повсюду, при томъ силахъ ирраціональныхъ, расплывчатыхъ, неясныхъ въ своихъ очертаніяхъ, но могучихъ. Ихъ воздѣйствіе сказывалось на каждомъ шагу, со всѣхъ сторонъ окружали они человѣка; человѣкъ являлся лишь островкомъ среди океана волнующейся духовной стихіи. Съ большинствомъ изъ нихъ нравственнаго общенія — общенія личности съ личностью быть не могло, ибо, за исключеніемъ отчасти культа предковъ и героев (согрѣтаго иногда болѣе теплыми тонами) мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ личностями: образы эти, неопредѣленные и туманные, воплощали въ себѣ смутныя силы, разлитыя въ явленія природы, силы стихійнаго характера, лишеныя руководящаго разумно-нравственнаго начала, чуждыя этическаго значенія. Но считаться съ ними тѣмъ не менѣе приходилось. Мало того: если нѣкоторыя были благодѣтельны и полезны человѣку, если инныя соединяли въ себѣ два аспекта — грозный и милостивый, то безконечно много было губительныхъ и злобныхъ. Это, между прочимъ, — тѣ носители физической и духовной заразы и оскверненія, родоначальники, причина бѣдъ, болѣзни и смерти, тѣ одушевленные, безмѣрно-малыя и безчисленныя бациллы, что носятя повсюду густыми роями, что повсюду проникаютъ — во всѣ мельчайшія отверстія, во всѣ поры, въ воздухъ и пищу: это — злобныя Кэры!

Кэры! съ такимъ ужасомъ говорить о нихъ древній анонимный поэтъ: «вся земля заполнена золь, полно ими море, и роями вокругъ смертныхъ зловѣщія носятя Кэры, и даже волоса (острія) просунуть некуда». Въ такихъ же выраженіяхъ говорить намъ про этихъ Кэровъ и Гезіодъ: съ тѣхъ поръ, какъ безразсудная Пандора открыла роковую крышку зловѣщаго ящика, «многія тысячи бѣдъ по людямъ витають, земля вся заполнена золь, полно ими море, и болѣзни межъ людей средь дня и средь ночи сами собой разносятя, рыскають (*αὐτόμαται φοιτῶσιν*), неся страданія людямъ». И для мудраго Эмпедокла «нашъ дольний міръ, это — безрадостное мѣсто, гдѣ убійство, вражды и сонмы прочихъ Кэровъ носятя во мракѣ».

И это — одно изъ основныхъ настроеній народной вѣры, выражающееся въ ея магіи, въ ея архаическихъ, малопонятныхъ для позднѣйшаго грека культовыхъ обрядахъ, которые стремятся то задобрить, то нейтрализовать, или даже использовать въ своихъ интересахъ могучую и страшную духовную стихію, разлитую повсюду. Приходилось безпрестанно быть на чеку подъ гнетомъ этой духовной или вѣрнѣе демонической опасности, искать средствъ борьбы или возможнаго компромис-

са, будь это съ безличными, грозными силами природы, или съ сонмами губительныхъ Кэровъ, или съ злобными духами ревнивыхъ и назойливыхъ покойниковъ, которые не переставали тревожить живыхъ. Это было состояніе *длительнаго напряженія*, религія превращалась въ духобоязнь, въ колдовство, въ демономанію. Не всегда и магическіе обряды могли помочь:

«Ибо со всѣхъ сторонъ, безчисленны, насъ окружають
Кэры *смерти*, отъ коихъ смертному нѣтъ избавленья»,

воскликаетъ Гомеръ.

Куда же уйти, гдѣ отдохнуть душой, куда бѣжать отъ кошмара духобоязни? Древній грекъ находилъ такое прибѣжище — въ свѣтломъ царствѣ религіи блаженныхъ олимпійцевъ. Это была художественная религія, какъ и сами боги ея были яркими и пластическими, человѣкоподобными и вмѣстѣ съ тѣмъ художественно-прекрасными личностями. Эстетическое міропониманіе! — въ этомъ сила, въ этомъ и ограниченность олимпійской вѣры. Она стремилась оградить себя отъ кошмара духовъ, отъ мрачныхъ пришельцевъ — выходцевъ съ того свѣта, она всѣ взоры, все вниманіе свое сосредоточила на этой, поскосторонней жизни, жизни живой, еще волнуемой, полной борьбы и подвига, еще залитой лучами солнца. Что тамъ, за гробомъ — ее мало интересуетъ, она отмахивается отъ мрачныхъ видѣній, она стремится положить непреходимую пропасть между міромъ живыхъ и міромъ мертвецовъ и призраковъ. Эта настоящая, текущая, живая жизнь *прекрасна*, даже во всѣхъ своихъ контрастахъ и диссонансахъ, *ибо она жива*, ибо она полна кипучей дѣятельности и силы, ибо ея страданія и радости печали и наслажденія образуютъ вмѣстѣ общую картину эстетической полноты жизни. Итакъ, жизнь «въ сладостномъ свѣтѣ солнца» прекрасна и цѣнна. Поэтому, когда взоръ устремленъ всецѣло на нее, ограничивается ея земными, эмпирическими предѣлами, не стремясь проникнуть дальше, — намъ слышатся тона бодрой, дѣятельной жизнерадостности, оптимистическаго воспріятія красоты и гармоніи міра.

Но трудно окончательно отмахнуться отъ мыслей о концѣ, отъ того, что ждетъ за гробомъ, отъ тѣней смерти. А онѣ набрасываютъ свою мрачную дымку и на кипучую жизнерадостность. Ибо со смертью все это кончается, за гробомъ — лишь безрадостное прозябаніе тѣней, даже болѣе безрадостное, чѣмъ по представленіямъ «низшей» народной вѣры: у Гомера онѣ лишены личности и сознанія, жалкія подобія человѣка. И къ тому же общеніе оттуда съ міромъ по Гомеру невозможно, и нѣтъ выхода, нѣтъ никому избавленія, нѣтъ надежды. Тѣнь Ахилла, вздыхая, говоритъ Одиссею:

«Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый».

Мысль о концѣ, о *такомъ* концѣ обезцѣниваетъ жизнь.

Съ другой стороны, жизнь и міръ оттого прекрасны и гармоничны, что все въ нихъ дѣлается согласно *мѣрѣ*, и поэтому горе тому, кто перейдетъ эту положенную мѣру, все равно — въ счастіи и успѣхѣ, въ могуществѣ и умѣннѣ, или въ беззаконіяхъ: на него обрушивается гнѣвъ или же ревнивая *зависть* боговъ (тѣмъ болѣе, что удача обыкновенно пробуждаетъ въ людяхъ гордыню). Ибо боги ревнивы и зорко блюдутъ, какъ бы смертный человѣкъ не превознесся слишкомъ высоко надъ своимъ смертнымъ состояніемъ, зорко оберегаютъ они разстояніе, пропасть, раздѣляющую боговъ и людей. Отъ ихъ гнѣвныхъ или завистливыхъ ударовъ падаютъ какъ великіе нечестивцы, преступившіе мѣру беззаконій, такъ равнымъ образомъ и тѣ немногія, изъ ряду вонъ выходящія личности, тѣ одинокія вершины среди равнины людскихъ поколѣній, которыя достигаютъ высшихъ доступныхъ человѣку успѣха и подвиговъ или дерзновенно мечтаютъ о высшей плоскости бытія — объ участіи въ божественной жизни. Такъ погибъ напр. герой Беллерофонъ, побѣдитель чудовищной Химеры, а за свою чрезмѣрную заботу объ этихъ смертныхъ людяхъ пострадалъ даже божественный ихъ другъ и покровитель титанъ Прометей. Ибо все должно быть въ мѣру (*μηδὲν ἄγαν*), высшая полнота жизни недоступна человѣку («смертнымъ приличествуетъ смертное состояніе», говоритъ Пиндаръ), все совершается во имя міровой гармоніи, художественнаго равновѣсія космоса, которое охраняется непреклоннымъ Роккомъ-Мойрой. Этотъ неумолимый, неизмѣнный Рокъ то отождествляется съ волей Зевса и боговъ, то подчиняетъ себѣ — могучая и ирраціональная, безотвѣтная Сила — и самыхъ свѣтлыхъ небожителей. Даже и «Солнце не преступитъ (положенной ему) мѣры: иначе его настигнутъ Эриніи, блюстительницы Правды», говоритъ Гераклитъ. Во имя этой гармоніи космоса, охраняемой неусыпнымъ вниманіемъ боговъ и силою Мойры, санкціонируются и отдѣльныя частныя страданія и бѣдствія, даже, казалось бы, несправедливыя (какъ бываетъ напр., когда боги сами наталкиваютъ на страшный грѣхъ, вину — *ἄτη*, а затѣмъ жестоко расправляются съ безсознательнымъ или невольнымъ преступникомъ, утверждается и гибель и смерть всего индивидуальнаго. Это — тотъ выводъ жизненной мудрости, что такъ часто звучитъ намъ изъ греческой трагедіи.

Великая торжествующая жизнь Цѣлаго! — ради нея отрицаются индивидуальная жизнь, цѣнность индивидуальнаго счастія, индивидуальнаго страданія. *Ради ея красоты* безжалостно размалывается всякое единичное созданіе желѣзными законами міра — закономъ преходящести, закономъ смерти, закономъ страданія и томленія. Утверждался натуралистическій *status quo*, *великая космическая гармонія*, составленная изъ контрастовъ и диссонансовъ, изъ восторговъ радости и воплей скорби, могучая, *всеобъемлющая Жизнь*, вся сотканная изъ цѣпи умираній и рожденій, результатъ, равнодѣйствующая не только жизни, но и смерти всѣхъ индивидуальных существованій. Такъ, исходя изъ основныхъ, еще «гомеровскихъ» корней

греческаго міросоццерцанія, развивала его уже въ дальнѣйшемъ философская мысль грековъ — отъ Гераклита до стоиковъ, до позднѣйшихъ платониковъ и эклектиковъ періода упадка. И ставится невольнаго вопроса: кто же былъ субъектомъ, носителемъ этого блаженства космоса, разъ индивидуальное было обречено на смерть и гибель, а тѣмъ самымъ и на страданіе? — Блаженные боги, говорила гомеровская вѣра. Пантеистическое божество, міръ, какъ божественное, органическое цѣлое, Матерь Природа — говорили позднѣйшіе пантеисты. Но индивидуальный человекъ страдалъ и умиралъ и не было ему спасенія предъ лицомъ смерти и скорби — ему оставалось лишь покорность, резигнація, *συνφοσιόν*; и это страданіе свое, равно и безнадежность, и неумолимость боговъ и Рока, и неизмѣнность гармоническихъ и жестокихъ Законовъ Міра, этихъ желѣзныхъ, безжалостныхъ колесъ, давящихъ все на своемъ пути, и ужасъ предъ смертью — индивидуальный человекъ ощущалъ, ощущалъ мучительно и остро. Вотъ — тѣ ядовитые соки безнадежности и скорби, которые отравляютъ цвѣтущее дерево греческаго — казалось бы, столь оптимистическаго, столь жизнерадостнаго — художественнаго міросозерцанія, омрачаютъ свѣтлую душу Эллина, и проникаютъ мрачнымъ и назойливымъ диссонансомъ уже кое-гдѣ и въ гомеровскія поэмы. И этотъ стонъ печали, то сдержанный, полусдавленный, то громкій и жалобный, проносится, повторяю, отъ одного конца исторіи античнаго міра до другого.

«Ибо изъ тварей, которыя дышатъ и ползаютъ въ прахѣ,
Истинно въ цѣлой вселенной несчастнѣе нѣтъ человека»

— Такъ восклицаетъ Гомеръ въ «Иліадѣ» устами самого Зевса. И со всѣхъ сторонъ доносятся намъ голоса, что жизнь несчастна, полна скорбей и страданій. Гезіодъ такъ производитъ оцѣнку современной ему жизни человечества:

«О, зачѣмъ только долженъ я жить среди пятаго рода!
«О, зачѣмъ не раньше я умеръ иль не позже родился!
«Нынѣ желѣзное племя живетъ! Ни днемъ ни средь ночи
«Отдыха нѣтъ ему отъ безмѣрныхъ трудовъ и печалей.
«Родъ безсильный; тяжелыя шлютъ ему боги заботы».

Ранніе лирики — Мимнермъ (около 600-го г. до Р. Х.) и особенно Симонидъ изъ Кеоса (559 — 469 г. до Р. Х.) и Теогнидъ (около 540 — 500 г. до Р. Х.) полны этихъ стонувъ скорби. «Слаба сила человека, бесплодны его заботы, въ краткой его жизни скорбь слѣдуетъ за скорбью», восклицаетъ Симонидъ. О томъ же часто говоритъ напр. (два вѣка спустя) и Менандръ въ своихъ комедіяхъ: «слѣпа и несчастна жизнь человека», «жизнь и скорбь искони связаны другъ съ другомъ». Стобей въ своей (составленной около 500-го г. до Р. Х.) антологіи изъ античныхъ писателей

цѣлую длинную главу посвящаетъ такимъ цитатамъ относительно тяжести и ничтожества нашей жизни. Гдѣ же прибѣжище отъ золь? сможетъ ли гдѣ-нибудь отдохнуть измученное сердце? — *Λιμήν κακῶν ὁ θάνατος* — «пристань отъ бѣдъ — смерть!» доносится съ разныхъ сторонъ въ отвѣтъ. Большой популярностью пользуется изреченіе вѣщаго сатира Силена: схваченный въ саду могущественнаго царя Мидаса, гдѣ онъ на зарѣ пилъ воду изъ источника, и приведенный къ царю, онъ на вопросъ, въ чемъ высшее благо для человѣка, сначала упорно не хотѣлъ отвѣчать. Наконецъ, послѣ долгаго принужденія — такъ рассказываетъ Аристотель — онъ воскликнулъ: «О эфемерное (мимолетное) порожденіе суроваго демона и злобной судьбы! къ чему вы заставляете меня говорить то, чего вамъ лучше было бы не знать? Ибо жизнь легче, когда не знаешь своихъ несчастій. Лучше всего для человѣка было бы не родиться... А слѣдующее за этимъ благо — умереть какъ можно скорѣе...». Это древнее изреченіе Силена повторяется на разные тона — лириками, трагиками, философами, моралистами. Напр. объ этомъ же поетъ хоръ въ трагедіи Софокла «Эдипъ въ Колонѣ»:

«Безразсудны и жалки по моему гѣ,
Что продлить хотятъ жизнь свѣше мѣры,
Ибо долгая жизнь — только долгая скорбь,
Каждый день умножаетъ страданья»

Поэтому

«Высшій даръ — нерожденнымъ быть;
Если жъ свѣтъ ты увидѣлъ дня —
О, обратной стезей скорѣй
Въ лоно вернись небытья родное!»

«Новорожденнаго», говоритъ Эврипидъ, «нужно оплакивать, за то умершаго хоронить съ радостью и благопожеланіями». А въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «О если бы за гробомъ ничего не было! ибо если и тамъ мы смертные, умирая будемъ, отягчены заботами, то уже не знаю, куда бы можно обратиться! Вѣдь смерть то и почиталась величайшимъ лекарствомъ отъ золь».

«О Смерть-Цѣлитель (*ὦ θάνατε Παιων*), не забудь меня!
Вѣдь ты одна отъ скорбей неизбѣжныхъ
Нашъ врачъ: ужъ мертвыхъ не коснется боль» —

такъ призываетъ Эсхилъ все-исцѣляющую смерть.

И въ то же время тяжело, безрадостно видѣть, какъ все проносится безслѣдно, какъ все охвачено потокомъ преходящести. Люди подобны листьямъ — такъ же они гибнуть и проходятъ, поколѣнье за поколѣньемъ, не удержиимо, безвозвратно. Но пока человѣкъ молодъ, онъ болѣе легко смотритъ на жизнь, не останавливается

взоромъ на этомъ все поглощающемъ потокѣ, онъ не думаетъ о томъ, что и ему придется «состариться и умереть», онъ еще полонъ силъ и надежды.

«Глупые — тѣ, что такъ мыслятъ! Ужель имъ не видно, что жизни, что нашей юной красы — время, увы! коротко», говоритъ Симонидъ.

«Горе приноситъ мнѣ и юность и грозная старость:

Старость — приходомъ своимъ, юность же тѣмъ, что бѣжитъ». съ горечью замѣчаетъ другой поэтъ.

Не только человекъ, но все проходить — «все течетъ!» восклицаетъ Гераклитъ Ефесскій: «нельзя вступить въ тотъ же потокъ» и къ смертной сущности нельзя прикоснуться дважды вслѣдствіе сего свойства ея. Поэтому въ тѣ же самые потоки и вступаемъ и не вступаемъ, и существуемъ и не существуемъ». Да! поистинѣ человекъ — «лишь дуновеніе и тѣнь», «дѣла человѣческія подобны и тѣни», не болѣе какъ иллюзія, какъ «сонъ тѣни человекъ», говоритъ Пиндаръ. Жизнь коротка, быстротекуща, она стремится къ предѣлу своему — смерти, а тамъ за гробомъ — мракъ небытія или безрадостная доля. И вотъ смерть, которая представлялась такимъ желаннымъ убѣжищемъ отъ золъ жизни, еще чаще рисуется невѣдомымъ и страшнымъ, но неизбѣжнымъ концомъ, основнымъ зломъ людскаго «смертнаго» жребія, страшной и мрачной силой, безжалостно уничтожающей жизнь и самую личность и сознание, темной пропастью, поглощающей человека. *Ужасъ передъ смертью* проносится черезъ вѣка греческой исторіи, какъ навязчивая, гнетущая мысль, какъ постоянно возвращающійся незаглушимый стонъ бурно мятущейся или же пассивно покорной души. Онъ звучитъ этотъ ужасъ въ различныхъ вариацияхъ и въ надгробныхъ надписяхъ, и въ словахъ мыслителей и поэтовъ.

«Узы, дитя! не то же — умереть и жить:

Кто умеръ — нѣтъ его; еще надѣется живой».

Поэтому

«Безуменъ тотъ, кто жаждетъ умереть:

И злая жизнь все жъ лучше доброй смерти».

«Мы знаемъ, что такое жизнь», говоритъ Эврипидъ, «но такъ какъ мы не знаемъ смерти, то каждый и боится покинуть свѣтъ солнца». Да, «страхъ смерти — величайшій изъ всѣхъ страховъ». Это такъ наглядно изобразилъ тотъ же Эврипидъ въ воплѣ умирающей Алкестиды. Мрачный Thanatos, богъ смерти, увлекаетъ ее въ преисподнюю:

«Влечетъ, влечетъ меня кто-то — развѣ ты не видишь?

Въ обитель мертвецовъ!

Это — крылатый Аидъ, смотрящій изъ-подъ темныхъ нависшихъ бровей...

Что ты дѣлаешь со мной?... О пусти!.. Увы!
По какому ужасному пути я отправляюсь!

И далѣе:

Близокъ Аидъ!

Темная ночь нависаетъ надъ глазами...

Чувствуется холодѣніе, уничтоженіе человѣка. Такъ и поэтесса Эринна (около 600 г. до Р. Х.) восклицаетъ: «безмолвно среди мертвыхъ, мракъ заполонилъ тамъ очи».

И тотъ же ужасъ, ту же скорбь мы прочтемъ на многихъ (особенно эллинистическаго и римскаго періода) надмогильныхъ камняхъ — это какъ бы послѣднія слова умершихъ передъ погруженіемъ ихъ въ пропасть за гробомъ, послѣдній стонъ, протестъ противъ «Аида, ненавистнаго всему живому». «Аида безжалостнаго, подобнаго дикому звѣрю», «мрачнаго демона, пресѣкшаго молодую жизнь». «Вотъ каковъ нашъ чертогъ — Аидъ безпросвѣтный», говорится въ одной смирской надписи 2-го или 1-го вѣка до Р. Х..

Эта участь неизбѣжна; можно негодовать, сѣтовать противъ «жестокой судьбы», «суровой доли», мало того — противъ «жестокихъ боговъ» (срв. латинскую надпись: *crudeles superi*): все равно — это не поможетъ. Приходится смириться. Такой мрачной, безотрадной покорностью дышутъ многія надписи могилы.

ὄχι ἦμην — γυρόμην ἦμην — οὐκ εἶμι τοσαῦτα.

— «Я не былъ — и сталъ; я былъ — а теперь ужъ не существую: вотъ все». — это повторяется на разные лады. «Изъ земли я произошелъ, и въ землю опять вернулся». «Никто не безсмертенъ!» «Всѣ мы подвержены одной и той же участи», «всѣхъ ожидаетъ смерть». Въ этихъ дешевыхъ надгробныхъ трунцахъ, впрочемъ, мало было утѣшенія, когда сердце сжималось отъ тоски, когда приходилось разставаться съ самыми близкими и дорогими.

«.....Увы! въ преисподню
Вмѣстѣ съ тобою ушла радость всей жизни моей!»

говоритъ безутѣшный мужъ, прощаясь съ умершей женою. А съ другой могилы молодая женщина говоритъ прохожему:

«Да, наложилъ на меня злбную длань свою Рокъ». Но «Не о себѣ я скорблю: тяжелѣй мнѣ самой моей смерти
Эта безмѣрная скорбь милаго мужа вдовца...»

Безутѣшный мужъ громко сѣтуетъ, онъ хочетъ поскорѣе умереть, чтобы послѣдовать за нею даже въ смерти. Но покойница съ надгробнаго памятника тихо отвѣчаетъ ему:

«Слезы безсильны помочь — разжалобить Рокъ невозможно.
Кончена жизнь для меня! Это всеобщій удѣлъ».

Безмысленная, глупая эта Судьба, Необходимость» (*Ἀναγκὴ ἀπείραχτη*), праящая міромъ — зря дающая и зря отымающая жизнь доносится намъ съ одной изъ позднихъ могилъ.

Впрочемъ, смерть царить и владычествуеть не только надъ судьбою человѣка, но и въ жизни всего космоса. Тотъ же Гераклить, который съ такимъ воодушевленіемъ говоритъ объ этомъ захватывающе-величественномъ, стихійномъ процессѣ всеобщаго возникновенія и всеобщаго уничтоженія, о великомъ законѣ непрерывнаго рожденія изъ смерти, изъ котораго слагается гармоническая жизнь міра, Гераклить въ минуту глубокой душевной тоски передъ зрѣлищемъ всеобщаго исчезновенія восклицаетъ съ горечью: «Кучь мусора, наудачу высыпаемаго, подобенъ самый прекрасный космось!»

II.

Елевсинскія мистеріи.

Если эти струи пессимизма, отмѣченныя нами въ самыхъ различныхъ вѣкахъ исторіи античной культуры, и не образуютъ основы древне-греческаго — зачастую столь юношески-жизнерадостнаго, столь бодрого — міросозерцанія, то въ всякомъ случаѣ въ вопросѣ о смерти, о судьбѣ за гробомъ нота пессимизма, какъ мы видѣли, доминируетъ. Свѣтлое міросозерцаніе, даже гомеровскаго эпоса, чуть оно подольше остановится на проблемѣ смерти, уже помрачается. И вотъ мы слышимъ или стоны скорби и отчаянія или ходячія формулы безрадостной, безотрадной покорности судьбѣ и неизмѣнному закону вещей. Но наряду съ этимъ въ измученныхъ душахъ нарастаетъ *жажда жизни*, жажда лучшей участи за гробомъ, стремленіе не къ эфемерному быванію, а къ подлинному, къ повышенному бытію, къ преодолѣнію смерти въ полнотѣ блаженной жизни. Гдѣ найти это преодолѣніе смерти? — Вѣрующія души древней Греціи искали его въ елевсинскихъ мистеріяхъ и въ таинствахъ, связанныхъ съ культомъ Діониса.

Уже съ 7-го в. до Р. Х. вплоть до позднихъ временъ античные писатели восторженно восхваляютъ великія благодѣянія, даруемая мистеріями елевсинскихъ богинь. Удѣлъ посвященныхъ отличенъ за гробомъ отъ судьбы прочей, непосвященной въ мистеріи толпы: они одни пользуются блаженствомъ въ общеніи съ богами, всѣхъ же прочихъ ждуть за гробомъ лишь страданія. Эти чаянія такъ ярко выразились на примѣрѣ въ найденной при раскопкахъ надгробной надписи одного изъ верховныхъ жрецовъ (іерофантовъ) Елевсина:

«Девять лѣтъ поучалъ я людей свѣтлымъ тайнамъ Деметры,

А на десятомъ году отошелъ я въ обитель боговъ.

Дивная тайна сія, что дарована смертнымъ богами:

Смерть намъ не только не зло — благомъ становится смерть!»

Какъ получалась эта увѣренность? Въ чемъ состояли елевсинскія таинства? Объ этомъ мы освѣдомлены весьма мало, ибо въ древности было запрещено ихъ разглашать подѣ страхомъ жесточайшей кары, разглашеніе ихъ считалось величайшимъ святотатствомъ. Усиленные раскопки въ Елевсинѣ и на «священной дорогѣ» между Елевсиномъ и Аѣинами отчасти познакомили насъ съ распланировкой и устройствомъ елевсинскаго святилища — и обнаружили кромѣ того рядъ данныхъ по внѣшней исторіи культа, по внѣшней его организаціи. Сочетая эти данныя съ отрывочными свидѣтельствами античныхъ писателей, мы получаемъ напр. довольно подробное представленіе о составѣ елевсинской жреческой коллегіи, далѣе мы можемъ съ значительной степенью опредѣленности возстановить себѣ картину всей первой, подготовительной части празднества, протекавшей еще за предѣлами священной ограды (*περίβολον*) Елевсина. Эта подготовительная часть празднества длилась семь дней — съ 13-го по 20-ое число мѣсяца Боэдроміона (Боэдроміонъ — приблизительно времени съ 5-го сентября по 5-ое октября нашего календаря); ея кульминаціонной точкой была торжественная процессія 19-го числа, двигавшаяся въ Елевсинъ изъ Аѣинъ, со священными тайными предметами елевсинскаго культа (*ιερα*), скрытыми отъ всѣхъ взоровъ въ священныхъ корзинахъ (предварительно, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, эти «священные предметы» доставлялись изъ Елевсина въ Аѣины, теперь же они съ торжествомъ возвращались обратно). Процессію возглавляла колесница со статуей юнаго Іакха, божественнаго предводителя торжества. Этотъ юный праздничный богъ Іакхъ, отождествленный впослѣдствіи съ вѣчно-юнымъ Діонисомъ, былъ, повидимому, воплощеніемъ олицетвореніемъ того праздничнаго крика восторга — *ιάχου*, который испускали посвященные — участники шествія, и который, какъ говоритъ намъ Геродотъ, былъ слышенъ издалека. Процессія двигалась медленно, ибо сопровождалась религіозными плясками, пѣніемъ, игрою флейтъ и часто останавливалась — на главныхъ этапахъ священной елевсинской дороги, связанныхъ съ различными реминисценціями изъ мифа елевсинской Деметры. Поэтому, несмотря на всего 20 километровъ разстоянія отъ Аѣинъ, она достигала Елевсина лишь къ вечеру (т. е. по греческому счету уже 20-го числа, т. к. начало слѣдующаго дня греки считали съ вечера, съ заходомъ солнца). Зажигались факелы и лампы. И съ громкимъ пѣніемъ до поздней ночи плясали достигшіе желанной цѣли вѣрные вокругъ священнаго елевсинскаго ключа Каллихора (т. е. «Ключа хороводовъ»*), потрясая факелами и призывая Іакха — Діониса. «Я чту многопрославленнаго бога», поетъ хоръ въ трагедіи Еврипида «Іонъ»: «когда вокругъ струй «Ключа Хороводовъ» онъ зрѣтъ факелы богомольцевъ всю ночь 20-го, безъ сна, напролетъ... когда участвуютъ въ хороводѣ и само звѣздное Зевсово небо, и царица Луна и пятьдесятъ Нимфъ, дочерей Нереея». Отзвуки призываній Іакха елевсинскими мистами звучатъ въ пѣснѣ хора въ «Лягушкахъ» Аристофана. Хоръ

*) Собственно «Прекраснохороводный».

составленъ изъ умершихъ мистовъ, которые въ загробномъ царствѣ воспроизводятъ отдѣльные мотивы елевсинскихъ празднествъ:

«Хоръ. Іакхъ, о Іакхъ!
Іакхъ, о Іакхъ!

.....
О приди въ хороводъ нашъ на этотъ лугъ,
въ эти сонмы посвященныхъ,
потрясая многоплоднымъ,
вкругъ главы твоей обвитымъ
свѣжимъ миртовымъ вѣнкомъ!
Ударяя проворной и легкой стопой,
закружися въ бурной пляскѣ,
въ пляскѣ радостно-священной,
полной стройной красоты!
Поведи хороводъ посвященныхъ!

.....
Антистрофа.

О воспрянь, яркій факель сотрясая въ рукахъ,
Іакхъ, о Іакхъ,
Ты свѣтило полночныхъ мистерій!
Лугъ весь свѣтится огнями,
укрѣпились ноги старцевъ,
забываютъ они скорби,
тягость лѣтъ и древній возрастъ
ради праздника святого.
А ты, о блаженный, съ сіяньемъ огней
выведи на цвѣтущій росистый лугъ
хороводъ молодежи!»

Конечно, въ хорѣ Аристофана мы имѣемъ не точное изображеніе, а лишь поэтическое воспроизведеніе ночного ликованья посвященныхъ, прибывшихъ къ стѣнамъ елевсинскаго святилища.

Здѣсь начиналась уже новая стадія празднества: ибо все предыдущее было еще лишь внѣшней, подготовительной ступеню. Само мистическое дѣйствіе раз-
вертывалось уже по ту сторону священной ограды, въ нѣдрахъ святилища — «теле-
стерія»*), но о сущности его всѣ наши античные источники предпочитаютъ хранить
благоговѣйное молчаніе. Что касается основъ елевсинской вѣры, то одно вполне

*) Такъ называлось зданіе мистическаго культа.

явствуетъ изъ всей традиціи, изъ всего имѣющагося у насъ матеріала — именно, что здѣсь мы имѣемъ первоначальную земледѣльческую культу, культу божествъ земного плодородія, научившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ людей земледѣлію и начаткамъ цивилизованной жизни. Далѣе мы знаемъ, что эти божества плодородія, владычествовавшія подъ нѣдрами земли и направлявшія судьбу сѣмени, брошеннаго въ землю, были вмѣстѣ съ тѣмъ и владыками подземнаго царства, божествами хтоническими, тѣсно связанными и съ міромъ мертвыхъ (ибо мѣстопробываніе мертвыхъ было подъ землей, по представленіямъ народной вѣры). Отъ этихъ божествъ — владыкъ подземнаго царства, царства мертвыхъ, и въ то же время близкихъ къ людямъ, въ качествѣ благостныхъ покровителей и подателей ежегоднаго урожая, т. е. важнѣйшаго дара для жизни человѣка, отъ этихъ божествъ, съ которыми человѣкъ входилъ въ близкое соприкосновеніе въ елевсинскомъ культѣ, зависѣло назначить человѣку ту или иную участь за гробомъ. Тотъ, кто становился ихъ вѣрнымъ, ихъ избранникомъ, посвященнымъ въ ихъ божественныя тайны, посвященнымъ въ ихъ божественную жизнь, близкимъ и роднымъ для нихъ лицомъ, такой человѣкъ могъ безусловно рассчитывать на привилегированный удѣлъ послѣ смерти, на блаженное и радостное общеніе съ благосклонными и близкими къ нему богами, на полноту счастья въ загробномъ мірѣ. Вотъ эту тѣсную, несомнѣнную и неразрывную связь съ хтоническими богами — владыками посмертной судьбы человѣка и давали Елевсинскія мистеріи. Какъ это достигалось? въ чемъ состояли эти посвященія мистовъ богамъ, эти откровенія таинствъ боговъ, какими путями осуществлялось приобщеніе къ божественной жизни? Если бы не сознательная нескромность нѣкоторыхъ раннихъ христіанскихъ писателей, имѣвшихъ возможность близко познакомиться съ Елевсинскими мистеріями, то мы были бы здѣсь лишены всякихъ данныхъ. Но и такъ наши свѣдѣнія составлены изъ немногочисленныхъ и отрывочныхъ указаній, изъ которыхъ, однако, можно попытаться, какъ напр. дѣлаетъ это Foucard, реконструировать нѣкую общую картину.

Повидимому, обряды и дѣйствія, совершаемыя во внутреннемъ елевсинскомъ святилищѣ (въ ночи 21-го и 22-го Боэдроміона), раздѣлялись на мимическія воспроизведенія божественной драмы, т. е. главныхъ событій изъ жизни, или вѣрнѣе, изъ міра елевсинскихъ божествъ, и на обряды собственной инициаціи, посвященія (τελετή).¹¹ Вспоминалась и драматически воспроизводилась судьба божественной юной Дѣвы — Кора, горячо-любимой дочери богини плодородія Деметры: гуляя по цвѣтущему лугу, Кора была внезапно похищена въ преисподнюю грознымъ властителемъ подземнаго царства — Плутономъ. Слѣдуетъ безутѣшная скорбь божественной матери Деметры, ея долгія, напрасныя блужданія въ поискахъ за дочерью. Все это, повидимому, мимически воспроизводилось. Наконецъ, богиня приходитъ въ Елевсинъ, и въ благодарность за оказанное ей гостепріимство она научаетъ здѣсь героя Триптолема — перваго среди людей! — великому искусству земледѣлія.

Наконецъ, праздновалось и радостное возвращеніе Кору къ матери изъ подземнаго міра. Это — первая часть сакральной драмы. Во второй части (разыгрываемой, вѣроятно, во вторую ночь — 22-го числа), повидимому, изображался наглядно бракъ Зевса съ Деметрой, а можетъ быть и рожденіе божественнаго мальчика — Діониса (Діонисъ уже весьма рано былъ воспринятъ въ елевсинскій культъ наряду съ его основными божествами — Деметрой, Корой, Плутономъ). Вотъ, что рассказываетъ намъ объ этомъ священномъ дѣйствіи, правда, поздній довольно свидѣтель — христіанскій епископъ 4-го вѣка Астерій (впрочемъ, елевсинскія мистеріи продолжали существовать и справляться до самаго конца 4-го вѣка — до 395-го года, въ которомъ Елевсинъ былъ разгромленъ Аларихомъ): «Развѣ не происходитъ такъ», пишетъ Астерій, «схожденіе внизъ во мракъ и торжественное общеніе (*συντυχία*) съ глазу на глазъ между іерофантомъ и жрицей? развѣ не тушатся при этомъ факелы, и не почитаетъ ли предстоящая несмѣтная толпа за источникъ своего спасенія (*την σωτηρίαν αὐτῶν*) то, что этими двумя совершается во мракѣ?». Продолженіе, можетъ быть, этой священной драмы рассказываетъ намъ Ипполитъ, христіанскій отецъ начала 3-го вѣка (изъ свидѣтельства котораго, между прочимъ видно, что воспроизведеніе священнаго брака, упоминаемое у Астеріи, являлось лишь фиктивнымъ обрядомъ): «Іерофантъ», говоритъ Ипполитъ, «который не оскотленъ подобно Аттису, но который лишился мужской силы благодаря соку цикуты и отрекся отъ всякаго плотскаго общенія, ночью въ Елевсинѣ, при свѣтѣ яркихъ огней, совершая великія и неизреченныя таинства, возглашаетъ громкимъ голосомъ: «Владычица Бримо родила священнаго мальчика Бримона, т. е. Сильная родила Сильнаго»!

Мимическое изображеніе актовъ божественной драмы не было только воспоминаніемъ прошлыхъ судебъ елевсинскихъ боговъ, это было, повидимому, вполне реальнымъ повтореніемъ, дѣйствительнымъ воспроизведеніемъ, переживаніемъ заново этой драмы, имѣвшимъ при томъ магическую силу. Нужно было обезпечить правильный кругооборотъ земледѣльческаго года, правильное прозябаніе и урожай брошеннаго въ нѣдра земли посѣва, т. е. обезпечить тѣ процессы природной жизни, которые такъ наглядно воплощались (и на это указывали уже сами древніе) въ мифѣ объ елевсинскихъ богахъ, въ частности — въ похищеніи, поискахъ и радостномъ возвращеніи Кору. Регулярное сакральное повтореніе елевсинскаго «дѣйства» (*δράματα*) было поэтому магическимъ закрѣпленіемъ регулярности этого кругооборота. Но болѣе того: мисты, становясь участниками этихъ столь реальныхъ, столь дѣйствительныхъ воспроизведеній божественной повѣсти, тѣмъ самымъ становились до извѣстной степени дѣйствительными участниками жизни боговъ: раздѣляли скорбь исканія, отчаяніе и радость Деметры, блуждали вмѣстѣ съ ней, пили, какъ и она, ея священный напитокъ — «кикеонъ».

Но созерцаніемъ и переживаніемъ заново сакральной драмы не ограничивалось

отношеніе мистовъ къ сферѣ божественнаго — черезъ инициацію — *τελετή* они входили со своими богами въ самую непосредственную, въ самую тѣсную связь. Весьма возможно, что именно къ этой инициаціи, а не къ драматическому воспроизведенію мифа о богахъ, относится и тотъ цитированный уже нами торжествующій возгласъ среди безмолвія ночи: «Могучая Владычица родила Могучаго Сына!» Въ такомъ случаѣ эти слова касаются самага сокровеннаго, самага центрального и основнаго, самага священнаго акта мистерій, — таинственнаго усыновленія миста, болѣе того — *мистическаго рожденія* его изъ лона великой Матери — Богини. Въ самомъ дѣлѣ, можно съ очень большой степенью увѣренности предполагать (на основаніи нѣкоторыхъ сообщеній христіанскихъ писателей), а также умышленно неясной и темной формулы мистерій, сохраненной у Климента Александрійскаго, что важнѣйшимъ священнымъ символомъ въ елевсинскихъ мистеріяхъ было изображеніе женскаго члена великой Богини, и что мистъ, вынувъ его изъ священнаго ящика и прикасаясь къ нему (какъ на это намекаетъ сакральная формула), входилъ въ отношенія сыновства къ божественной Матери, таинственно изъ нея рождался (указанія на аналогичный актъ усыновленія имѣемъ, повидимому, и на орфическихъ табличкахъ). Это интимнѣйшее объединеніе съ божествомъ было приобщеніемъ къ божественной жизни; а въ этомъ приобщеніи былъ залогъ для чаяній свѣтлаго, повышеннаго существованія за гробомъ. (Съ блестящей аргументаціей эта точка зрѣнія была развита въ 1915-мъ году извѣстнымъ германскимъ филологомъ А. Korte и нашла признаніе у ряда компетентнѣйшихъ ученыхъ.)

Итакъ, въ этомъ, повидимому, была главная суть инициаціи: приобщеніе, и притомъ даже физическое, къ божественной жизни! Къ инициаціи, повидимому, относилось также (въ качествѣ предварительнаго или заключительнаго акта?) и то торжественное созерцаніе вѣрными этихъ «невыразимыхъ» (*ἀπορρητα*) символовъ (*ἱερά*) мистическаго культа, когда среди мрака ночи распахивались двери внутренняго святилища — «чертога» (*ἀνάκτορον*) и жрецъ выносилъ эти святыни предъ взоры мистовъ въ яркомъ сіяніи огней. Этотъ яркій свѣтъ разливался далеко въ округъ черезъ высокую кровлю храма, говоритъ намъ поздній поэтъ Клавдіанъ. Объ этихъ «сіяющихъ ночахъ» Елевсина упоминаютъ и надгробныя надписи.

Далѣе возможно, что, посредствомъ ряда живописныхъ или статуарныхъ изображеній или же чрезъ серію мимическихъ и драматическихъ дѣйствій, передъ мистомъ воспроизводились судьбы души за гробомъ — блаженство посвященныхъ и страданіе, безрадостный удѣлъ для всѣхъ прочихъ, непричастныхъ мистеріямъ. Возможно, что при этомъ посвященные мнили лицезрѣть боговъ непосредственно, лицомъ къ лицу, предвосхищая этимъ будущее блаженное общеніе съ ними. О переживаніяхъ, связанныхъ съ этими различными фазами инициаціи, говоритъ напр. риторъ Аристидъ (правда, своимъ обычнымъ напыщеннымъ и довольно мало-содержательнымъ стилемъ) въ своей «елевсинской рѣчи», произнесенной имъ въ Смир-

нѣ въ концѣ 2-го вѣка по Р. Х. (въ 182 г.): «Кто изъ грековъ или не-грековъ былъ бы... столь несмыслящимъ въ мѣрѣ и богахъ... чтобы онъ не почиталъ Елевсина за всеобщее святилище всей земли и за самое потрясающее и вмѣстѣ съ тѣмъ за самое радостное изъ всего, что только священно для человѣковъ? Въ какомъ иномъ мѣстѣ провозвѣщается въ мѣахъ что-либо болѣе разительное? Гдѣ возбуждаютъ священныя дѣйствія большій ужасъ и трепеть? Гдѣ было когда-либо большее состязаніе между тѣмъ, что восхищаетъ зрѣніе и тѣмъ, что восхищаетъ слухъ? Ибо что касается зрѣнія, то многочисленныя поколѣнія блаженныхъ мужей и женъ видѣли тамъ неизрѣченныя явленія» и т. д. Еще объ одномъ священномъ актѣ елевсинскихъ мистерій (явно, однако, подчеркивающимъ его натуралистическую земледѣльческую основу) сообщаютъ намъ наши источники: «Аѳиняне», пишетъ Ипполитъ, «при посвященіи въ елевсинскія таинства показываютъ эпоптамъ» (т. е. посвященнымъ второй — высшей категоріи) «дивное, совершеннѣйшее таинство эпоптіи» (т. е. посвященія высшей ступени): «въ безмолвіи срѣзанный колосъ».

Вотъ въ главныхъ чертахъ то небольшое, что мы знаемъ или что мы съ вѣроятіемъ можемъ возстановить относительно сокроженной для непосвященнаго взора стороны мистерій. Впрочемъ, одно является для насъ вполне яснымъ: черезъ тѣснѣйшее общеніе съ елевсинскими богами — владыками не только земного плодородія, но и подземнаго, загробнаго міра, обезпечивалось ихъ вѣрнымъ счастливое существованіе по ту сторону смерти.

«О трижды счастливъ», восклицаетъ Софокль, «тѣ изъ смертныхъ, кто, узрѣвъ эти таинства, придутъ въ Аидъ: ибо только они будутъ пользоваться тамъ жизнью, остальныхъ тамъ ожидаютъ одни страданія». «Счастливъ, кому изъ земныхъ людей удалось узрѣть эти таинства!» говоритъ «гомеровскій» гимнъ Деметрѣ (начала 6-го или конца 7-го в. до Р. Х.). «А кто не посвященъ въ нихъ и не имѣетъ въ нихъ участія — не одинаковой, конечно, съ первымъ участіемъ обладаетъ тотъ по смерти въ гнетущемъ мракѣ преисподней». У ритора Аристида въ его цитированной уже «елевсинской рѣчи» читаемъ про посвященныхъ въ мистеріи: «они имѣютъ относительно смерти болѣе сладостныя надежды: ибо они убѣждены, что ихъ ожидаетъ лучшее существованіе и что они не будутъ погружены въ грязь и во мракъ — участь, ожидающая непосвященныхъ». Участники мистерій «будутъ жить съ богами», сообщаетъ Платонъ. Недаромъ Павсаній, путешествовавшій по Греціи въ эпоху императора Адриана, торжественно заявляетъ: «Насколько боги превышаютъ героевъ, настолько и Елевсинскія таинства превосходятъ всѣ прочія установленія, посвященныя культу боговъ». Въ теченіе не менѣе десяти вѣковъ таинства Елевсина продолжали стоять въ центрѣ религіозной жизни греческаго народа, даже когда другіе, позднѣе явившіеся, но болѣе яркіе мистическіе культы стали захватывать — захватывать болѣе мощно, болѣе страстно и потрясающе, тѣ непокойныя души, что жаждали полноты жизни.

Н. АРСЕНЬЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).